

Игра с форой означала, что игрок с наименьшим мастерством ходит первым черными камнями. Мало того, Тан Шэнь еще и потребовал у Ван Чжэня уступить ему целых пять камней.

Ван Чжэнь удивился:

— С чего бы младшему шиди играть в игру с форой?

— ...Если уж на то пошло, то в искусстве игры я уступаю шисюну. Нам и прежде следовало играть с форой, — ответил Тан Шэнь.

— Не согласен, — возразил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь промолчал.

— А по-моему, шисюн мог бы уступить мне пять камней.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на Тан Шэня и с улыбкой произнес:

— Я из уважения к младшему шиди считаю, что нам подобает игра на равных.

«Вот уж где-где, а в остальных делах я бы не отказался от твоего уважения, — подумал Тан Шэнь. — К примеру, когда ты поспособствуешь моему очередному повышению по службе. Но только не на доске». Впрочем, вслух этого не скажешь. Покуда Ван Цзыфэн легко ронял эти слова, в голове Тан Шэня уже пронеслось с десяток мыслей.

Ван Цзыфэн заявил о своем уважении, посчитал их силы равными и предложил игру на равных.

Разговор шел не просто об игре — за этим крылось нечто большее.

Как же ответить?

Мгновение спустя девятнадцатилетний Тан Шэнь вымолвил:

— Я ведь моложе шисюна на целых девять лет и еще даже не проходил обряда совершеннолетия. Что плохого, если шисюн немного мне уступит?

В его тоне проскользнули капризные нотки. Однако слова его соответствовали действительности: Тан Шэню исполнилось лишь девятнадцать, и только в следующем месяце, после Нового года, ему накапает двадцать, что в эту эпоху считалось несовершеннолетием.

Ван Чжэнь был старше его на целых девять лет — по местным меркам разница почти в целое поколение. Так что старшему слегка побаловать младшего казалось вполне естественным.

Ван Чжэнь невольно усмехнулся и задумчиво уставился на Тан Шэня. Спустя долгое время он плавно вздохнул и произнес с долей светлой грусти:

— Цзинцзэ, ты и впрямь до того...

Звук его голоса оборвался.

— До чего? — переспросил Тан Шэнь.

Ван Чжэнь взял чашу с белыми камнями:

— Ничего. Пожалуй, сыграем в игру с форой.

Тан Шэнь озадачился. Больше ни слова?

Раз Ван Чжэнь умолк, Тан Шэнь не мог силою разомкнуть его уста. Впрочем, судя по дальнейшему поведению шисюна, вряд ли это было нечто дурное.

Ван Чжэнь уступил Тан Шэню пять камней, и вот теперь, в игре с форой, между ними наконец завязалась настоящая борьба.

Тан Шэню удалось вырвать первую победу, отвоевав три очка. Однако следом Ван Чжэнь перерезал сразу три позиционные линии Тан Шэня, удерживая инициативу ход за ходом.

Партия в вейци — словно человеческая жизнь.

Очень давно, когда Тан Шэнь впервые по-настоящему сел за доску, Лян Сун сказал ему именно эти слова.

За доской проявляется истинный характер человека. Взять, к примеру, Лян Суна: тот придерживался взвешенности, избегал дерзких выпадов и играл честно и академично. Или Фу Вэй — Тан Шэнь как-то раз сыграл с ним партию. Ходы Фу Вэя отличались коварством и непредсказуемостью, но на полпути ему наскучило, он встал и пошел кормить птиц со словами: «Цзинцзэ, ах Цзинцзэ! До чего же никудышно ты играешь!»

Однако играя с Ван Чжэнем, Тан Шэнь никак не мог постичь его натуру.

Ван Чжэнь то стоял незыблемо, как гора Тайшань, то совершал отчаянно рискованные маневры. Он походил на свирепого тигра, что покоится у воды: дремлет изо дня в день, пока прозрачная гладь озера отражает его благородство и кротость. Но стоит небесам нахмуриться, как тигр пробуждается с грозным рыком, оглашающим леса и пугающим стаи птиц.

И пока соперник еще не успевал прийти в себя от испуга, он вновь возвращался к безмятежному спокойствию, убирал белые камни с доски и мягко улыбался Тан Шэню:

— Младший шиди.

Спустя некоторое время Тан Шэнь опомнился и обнаружил, что опять потерпел поражение.

— Мастерство шисюна далеко превосходит мое, — произнес он. В этих словах отчасти крылась лесть, а отчасти — искреннее восхищение.

— Однако младший шиди еще даже не проходил обряда совершеннолетия. Пройдет еще девять лет, и, быть может, я стану уступать тебе.

Тан Шэнь лишился слов.

«Ну надо же, Ван Цзыфэн, и как только ты умудряешься быть таким злопамятным?»

Оставить это просто так было нельзя. Тан Шэнь чутко уловил момент, к которому Ван Чжэнь проявил особое внимание, и произнес:

— Шисюн, я вовсе не имел в виду, что ты стар.

— Хм?

— Шисюн в самом расцвете сил, благороден и утончен, — с чувством вымолвил Тан Шэнь. — В моем сердце шисюн — поистине недостижимая, божественная фигура среди всех чиновников двора Великой Сун!

Ему ведь всего двадцать восемь, а он уже заправляет делами государства. В будущем мире его бы наверняка назвали молодым перспективным талантом.

Тан Шэню вообще-то однажды пришла в голову мысль.

Тан Хуан в этом году исполнилось пятнадцать, ей пора задуматься о замужестве. Если на время отбросить личные предпочтения Тан Хуан и дать выбор самому Тан Шэню, кто бы стал лучшим женихом во всей Великой Сун?

Судя исключительно по положению в чиновничьей среде — вовсе не двадцатипятилетний Су Вэньюнь, а именно двадцативосьмилетний Ван Чжэнь!

Выйти замуж за Ван Чжэня — значит обеспечить себе беззаботную жизнь и гладкий путь до самых преклонных лет.

Не будь Тан Шэнь мужчиной, он и сам бы, пожалуй, соблазнился.

Ван Чжэнь прищурился, разглядывая Тан Шэня. Взгляд того лучился искренностью, а на лице читалась детская невинность. Ван Чжэнь тихо рассмеялся и снова стал расставлять камни.

— Сыграем еще партию.

Тан Шэнь молча подсел к шисюну на еще один поединок.

— Жизнь подобна партии в вейци, — раздался изысканный голос. Тан Шэнь опешил и поднял взгляд на Ван Чжэня. Ван Цзыфэн, удерживая пальцами белый камень и опустив взор на доску, продолжал: — А партия на доске подобна жизни, переменчивому миру и взлетам и падениям в чиновничьей среде. Младший шиди, ты встречался с послами Ляо. Что ты вынес из той встречи?

Тан Шэнь выпрямился и серьезно ответил:

— Государство Ляо — страна на конях, где каждый житель — воин, кони сильны, а войска могучи. Возможно, как и говорил Ли Цзиндэ, через десять или двадцать лет наша Великая Сун сможет выпестовать подобную железную конницу. Но прямо сейчас у Государства Ляо уже есть эта стальная армия. Впрочем, из-за их государственного устройства их двор уступает нашему Государству Сун.

— Почему ты так думаешь?

— Вражда между южными и северными чиновниками слишком глубока и трудноразрешима.

Ван Чжэнь опустил камень, лишая дыхания и перехватывая три очка Тан Шэня. Убрав фишки с доски, он заметил:

— И после этого ты говоришь про игру с форой? А ведь мастерство младшего шиди растет день от дня.

Тан Шэнь призадумался: «Это он меня хвалит?»

Не дав ему размышлять долго, Ван Чжэнь продолжил:

— Южные чиновники подобны тебе: взяли черные камни и делают ход в игре с форой. Северные же чиновники подобны мне: занимают большую часть земель Государства Ляо, выступая велегласно и величественно.

— Шисюн знал об этом еще раньше? — удивился Тан Шэнь.

— Приказ серебряных ассигнаций открыт не просто так, — ответил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь поразился:

— Выходит, Приказ серебряных ассигнаций связан не только с заменой монет бумажными деньгами, но и тайком расследует государственные дела Ляо?

Ван Чжэнь взглянул на него с недоумением:

— Младшему шиди следует следить за языком. Разве я утверждал нечто подобное?

Тан Шэнь тут же прикусил язык.

— Первый и второй принцы Государства Ляо тоже похожи на тебя: они низки родом и, находясь в невыгодном положении, берут черные камни для игры с форой. А третий принц, Елюй Хань, подобен мне: рожден в знатности, пользуется поддержкой Великого учителя Ван-цзы и целой когорты чиновников Ляо, но при этом умом не блещет, ходя белыми вторым.

Тан Шэнь промолчал.

— Шисюн, ты только что уверял, будто Приказ серебряных ассигнаций не занимается сбором сведений о делах Ляо.

— Разве я такое говорил? — отозывался Ван Чжэнь.

— Говорил, — твердо произнес Тан Шэнь.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на Тан Шэня и чуть нахмурился.

Прежде Тан Шэнь, пожалуй, спешно забрал бы свои слова обратно, притворившись, будто оговорился. Но на этот раз он, не мигая, встретил взгляд Ван Чжэня, не желая сдаваться под его давлением.

Спустя мгновение Ван Чжэнь внезапно расплылся в улыбке. Он протянул руку, слегка коснулся пальцем лба Тан Шэня и искренне рассмеялся:

— Ты и впрямь злоупотребляешь моей благосклонностью!

Сердце Тан Шэня пропустило удар. Он растерянно поднял руку и потрогал лоб.

Ван Чжэнь назвал его избалованным своей милостью... Неужели он и правда переступил грань дозволенного?

Но судя по довольному виду Ван Цзыфэна, тот совсем не сердился.

— ...Шисюн.

— Хм?

Тан Шэнь долго заново взвешивал слова, не зная, что вымолвить. Сказать ли, что он вовсе не пользуется его расположением без меры, или признать свою оплошность и пообещать больше так не делать? Однако произнести эти слова вслух Тан Шэнь не решился. Спустя долгое время он лишь вымолвил:

— Шисюн... кажется, теперь мой черед ходить?

Красивый, чистосердечный юноша внимательно и серьезно смотрел на него ясными глазами.

Помолчав немного, Ван Чжэнь произнес:

— Хорошо.

Тан Шэнь перевел дух.

Они продолжили партию.

Ван Чжэнь больше не возвращался к теме двора Ляо, но даже из тех нескольких коротких фраз Тан Шэнь смог разглядеть чиновничью среду Государства Ляо, полную скрытых бурлящих течений. Положение дел при дворе Ляо отличалось от сурового и бескомпромиссного нрава их армии. Прежде всего, чиновники Ляо делились на северных и южных.

Северные чиновники были многочисленны, в большинстве своем вышли из знати и крупных племен и удерживали власть в своих руках. Южные чиновники отвечали за связи с сунцами, и хотя их было меньше, они представляли собой силу, с которой нельзя не считаться. Кроме того, Тан Шэню уже доводилось встречать третьего принца Государства Ляо — Елюй Ханя.

Елюй Хань обладал отвагой, но умом обижен не был. Судя по намекам Ван Чжэня, между первым, вторым принцами и Елюй Ханем развернулась своя противоборствующая игра черных и белых камней.

<http://bllate.org/book/18292/1754631>